

Современная институциональная экономика

Институционализм как социально-экономическое явление можно интерпретировать по-разному. Но прежде всего институционализм - это система норм, правовых, информационных и поведенческих ограничений, формирующая модель поведения человека и общества в экономике. Несомненно, что как нормы, так и институты в последние десятилетия кардинально меняются, что связано в большой степени с изменением роли индивида в мировой экономике и международных отношениях и предоставлением не только государствам и организациям, но и каждому человеку возможности влиять на социально-экономические процессы.

Современные институционалисты пытаются преодолеть абстрактность теорий, поскольку каждое из пограничных условий, обеспечивающих адекватность принятых решений, подвергается практической проработке. Наиболее недостижимым критерием остается полнота информации, ведь большинство рынков представляют из себя именно рынки с асимметричной информацией. Совершенно очевидно, что должник более осведомлен о своей способности и тем более желании возвращать деньги кредитору, а продавец более свободен в предоставлении или непредоставлении клиентам невыгодных для себя сведений. Вежливо говоря, информированность в большинстве сделок на большинстве рынков асимметрична.

Профессор Джордж Акерлоф, получивший Нобелевскую премию по экономике в 2001 г., продемонстрировал огромное количество информационных «искажений», транслирующихся в необъяснимость некоторых экономических событий с точки зрения только лишь экономической теории. Фактические проявления асимметричности информации можно наблюдать на примере роста сектора международного страхования, объем сделок на котором превышает 2.5 трлн дол. в год, и эта цифра стремительно увеличивается. Более 95 % транснациональных корпораций страхуют и сделки, и ценные бумаги. В России лишь 7 % экспортеров прибегают к процедуре серьезного страхования, что есть отчасти показатель отсутствия достаточных средств, отчасти - уверенности в том, что иностранные рынки более стабильны, нежели российский. Таким образом, рост объемов международного страхования четко и недвусмысленно свидетельствует о недостатке информации и стремлении компенсировать его таким способом. Причем имидж и имя компании на рынке, а также ее национальная принадлежность более не являются гарантией ее инвестиционной привлекательности и стабильности. Примером тому и череда мировых финансовых кризисов в Латинской Америке, Азии, России, и последние аргентинские события, и развал корпорации «Елгоп». С другой стороны, существуют рынки и регионы, где асимметричность не рассматривалась до недавнего времени как угроза - в странах Азии денежные средства могут передаваться для использования экономическим агентам без формальных гарантий и юридического оформления сделок. Замедление финансового и экономического роста в Азиатско-тихоокеанском регионе в качестве причины и уникального симптома имеет нежелание банков кредитовать в условиях повышенного риска невозврата кредитов.

Рыночная цена перестает быть показателем реального состояния рынка, поскольку человеку экономическому все труднее становится быть рациональным, а реакция спроса и предложения на ценовые колебания часто непредсказуема. Информация получается уже не на рынке, а эксклюзивно покупается у чиновников и иных заинтересованных лиц и, соответственно, доступна немногим. В этом плане чиновники, с одной стороны, остаются формальным воплощением институционализма и, согласно бюрократической школе Вебера, полезными обществу, с другой - они же становятся главными нарушителями институциональных традиций, особенно в переходной экономике. Выбор конкретного

потребителя заложен в культурную традицию и если не навязывается, то, по крайней мере, усиленно рекламируется. Выбор же действительно рациональный связан с дополнительными информационными издержками, которым предпочитают издержки страхования либо вообще отсутствие всяческих издержек.

Исследование такого явления, как институционализм, так или иначе всегда было связано с пониманием роли государства в экономике. Степень государственного вмешательства обсуждалась многими, и периодически возникает потребность более широкого вовлечения именно государственных институтов в рынок. Индивидуализм и монетаризм переживают кризисы в моменты институционального вмешательства общества. Свобода всегда продается и обменивается на гарантии и благосостояние. Ведь кризисы возникают как раз в моменты нарушения традиционных моделей человеческого поведения. Общество, как западное, так и восточное, оказалось не готово к терроризму в виде самоубийственного террора, поскольку это противоречит стандартному поведению человека рационального, соизмеряющего прибыль и издержки. Нельзя сказать, что институционализм всегда работал в рамках адекватных и привычных культурных моделей. Собственно, государство пригласили в регулирование американской экономики во время Великой депрессии, и современные тенденции, несмотря на республиканца-президента, направлены на наращивание присутствия государства на рынке. За один только месяц после 11 сентября правительственные вливания в экономику США превысили 100 млрд дол. Послевоенную Западную Германию выводили из кризиса абсолютно нелиберальными способами. Замораживание банковских вкладов, их последующее аннулирование и выдача каждому немцу по 40 новых марок совершенно не встраивается в европейский институционализм. В течение одного поколения немцы почувствовали, что такое Веймарская республика, что такое Гитлер и что такое Германия Аденауэра.

Подобное общественное выравнивание неконгруэнтно ментальности нации, но может осуществляться короткий период времени. Гораздо привычнее подобные методы управления экономикой для России и Аргентины, где идеи порядка доминировали над идеями законности, демократии и экономической свободы. В Китае тотально регулируемая экономика результативна даже в долгосрочной перспективе (азиатский кризис лишь в малой степени влияет на темпы роста ВВП Китая), поскольку регулирование вписывается в культурные нормы, и даже будучи девиантной по некоторым классификациям экономикой, Китай конкурентоспособен сегодня даже на тех рынках, где никогда не имел сравнительных преимуществ. Вмешательства государства в экономику часто требовало общество - в 1995 г. французы выходили на улицы с лозунгами о том, что они «предпочитают зоопарк джунглям», напоминая Шираку, что государству следовало бы заняться жестким регулированием экономики. Таким образом, институциональная экономика на современном этапе имеет целью адаптацию экономической теории и традиционных общественных институтов к меняющимся формам и сущности национальной и мировой экономики.

Список литературы

Институциональная экономика. *Под рук. Львова Д.С.*